

Мантегацца Паоло

Физиология любви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П16

П16 **Паоло М.**
Физиология любви / Мантегацца Паоло – М.: Книга по Требованию, 2024. –
314 с.

ISBN 978-5-519-95347-4

ISBN 978-5-519-95347-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Любовь всегда казалась мнѣ наиболѣе могущественнымъ и наименѣе изученнымъ изъ человѣческихъ чувствъ. Окруженная и защищенная стѣною предразсудковъ, таинственности и лицемѣрія, она, въ большинствѣ случаевъ, извѣстна цивилизованнымъ людямъ со стороны скрытой и постыдной. Поэты и артисты, философы и юристы дѣлаютъ изъ этого исполинскаго божества настоящій за-прещенный плодъ. Изучить любовь, какъ естественное явленіе и гигантскую силу, которая измѣняется на тысячу ладовъ у различныхъ расъ и въ разныя эпохи, изучить ее, какъ элементъ здоровья отдѣльныхъ лицъ и народовъ, казалось мнѣ великимъ предпріятіемъ, приняться за которое я считалъ достойнымъ дѣломъ.

Послѣдствіемъ этой мысли было появленіе трехъ книгъ, изъ которыхъ первая «Физиологія любви», есть попытка физиологическаго и психическаго анализа первѣйшаго изъ

чувствъ. Это—разборъ любви, какова она есть и какова она должна быть въ совершеннѣйшемъ обществѣ. Достигъ ли я цѣли, объ этомъ скажетъ самъ читатель. Слогъ въ этомъ сочиненіи жарче и цвѣтистѣе, чѣмъ бы слѣдовало для моей цѣли. Въ погрѣшности этой я виноватъ не вполне; она вытекаетъ изъ самой сути разбираемаго мною предмета.

Въ «Гигіенѣ Любви» я намѣренъ разсматривать искусство любить съ той именно точки зрѣнія, съ которой любовь, такъ сказать, утилизируется, т. е., когда наибольшая сумма наслажденія соотвѣтствуетъ наибольшей пользѣ какъ самой личности, предающейся восторгамъ любви, такъ и будущихъ поколѣній.

«Любовь въ человѣчествѣ»—антропологическое изслѣдованіе, этнографія любви, начиная съ самихъ низкихъ расъ и кончая образованнѣйшими слоями европейскихъ народовъ.

Сужденія двухъ женщинъ о „Физиологіи Любви“.

«Физиологія Любви» была хорошо принята итальянской публикой, но я слышалъ, какъ шептали, что книга эта безнравственна и не можетъ быть читаемой въ семьѣ. Убѣжденный въ томъ, что сочиненіе мое нравственно и посвятивъ его женщинамъ, я рѣшился положиться на судъ двухъ особъ,

мнѣніе которыхъ для меня драгоцѣнно; это моя мать и одна дама, которая при глубокомъ образованіи, обладаетъ нѣжной, но энергичной натурой.

Надѣюсь, что никто изъ моихъ читателей не припишетъ опубликованіе ихъ мнѣній чувству тщеславія.

Флоренція 4 ноября 1884 г.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Дорогой мой Паоло!

Угадалъ ли ты, что я замедлила поблагодарить тебя и поговорить съ тобой о твоей книгѣ, вслѣдствіе невозможности, проистекающей отъ состоянія моего здоровья, которое и помѣшало мнѣ своевременно выразить тебѣ достойнымъ тебя образомъ, что я чувствую? Чувствовалъ ли ты вдалекѣ мое одобреніе, которое я считала слабымъ, но которое пріобрѣтаетъ огромное значеніе, коль скоро дѣло касается моего возлюбленнаго сына.

Первыя главы твоей книги заставили меня опасаться, чтобы научная сторона книги не помѣшала мнѣ ясно понимать ее, но мало по малу мнѣ показалось, что я преодолѣваю всѣ трудности. Подстрекаемая желаніемъ поскорѣе узнать всѣ ея достоинства, я пропускала и перелистывала главы и моя безпорядочная любознательность сдѣлала то, что я

до сихъ поръ не знаю вполнѣ хорошо твоей книги.

Не рѣшалась я также сказать тебѣ все, что чувствовала, еще и потому, что, какъ мнѣ кажется, похвала, хотя бы и вполнѣ заслуженная, никогда не бываетъ полезной и можетъ, какъ это иногда мнѣ казалось, ослабить въ тебѣ ту святую добродѣтель снисходительности, которую всегда проповѣдуютъ другимъ.

Однако, не въ моихъ силахъ не сказать ничего въ твою похвалу, а тѣмъ болѣе сдѣлать это, не показавъ тебѣ моего восторга.

Право, я смѣюсь надъ собою, когда подумаю, что мои слова имѣютъ для тебя значеніе только вслѣдствіе той искренней привязанности, которую ты питаешь къ своей матери, и благодарю тебя за такое любезное выраженіе ея въ твоемъ посланіи.

Если въ книгѣ встрѣчается мнѣніе о женщинѣ, несходное съ моимъ, то я его не нашла, или же не поняла, такъ какъ мнѣ кажется, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ страницъ, ты отдалъ справедливость нашему полу во всемъ, что нравственно, благородно и возвышенно, и не могу тебѣ высказать, какъ счастлива я и цѣлью, которой ты задался, и твоей деликатностью, и твоимъ трудомъ. Если обладаніе дорогой дѣвушкой сдѣлало тебя справедливымъ относительно пола, то благословляю ее еще разъ.

Если бы нѣкоторая зависть, которая преслѣдуетъ высокоталантливыхъ людей, даже

въ ту минуту, когда ихъ слава рѣшена и создала, чего однако я не думаю, вокругъ твоего сочиненія молчаніе, то ты будешь награжденъ энтузіазмомъ, поэзіей и царящей въ ней истинной и это удовлетвореніе, не правда ли, дорогой мой Паоло, всегда сдѣлаетъ тебя лучшимъ и болѣе великодушнымъ въ отношеніи той большей части человѣчества, у которой нѣтъ твоего генія.

Что касается меня, я теперь счастлива, что не была услышана, вымаливая такъ часто конца моимъ страданіямъ, и что дожила до дня, въ который могу гордиться тѣмъ, что прочла твое сочиненіе.

Когда буду имѣть счастье видѣть тебя возлѣ себя, то покажу тебѣ тѣ мѣста сочиненія, которыя понравились мнѣ болѣе, прочихъ.

А пока прійми восторженные поцѣлуи сильно любящей тебя

Матери.

Саббѣонцелла, 14 іюля 1883 г

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Любезный Мантегацца.

Только что окончила я читать Вашу «*Физиологію Люви*» и чувствую себя отъ нея какъ бы пораженной, изумленной и опьяненной! — Вы желаете, чтобы я объяснила вамъ произведенное ею на меня впечатлѣніе. По правдѣ сказать, вы ужь слишкомъ много требуете.

Бѣдная я! въ моемъ распоряженіи нѣтъ даже метлы колдуньи, чтобы слѣдовать за вашимъ Олимпійскимъ полетомъ. Съ первыхъ же страницъ Вы садитесь на вашего Пегаса и мчитесь на немъ на самыя головокружительныя вершины Олимпа; потомъ съ вышины этого седьмого неба сыплете дождемъ на вашихъ растроганныхъ и упоенныхъ читателей тучи цвѣтовъ, амѳоры, амброзіи, каскады благовоній. Украшаете страницы гирляндами образовъ, метафоръ, богатствомъ, разнообразіемъ и колоритомъ, способными вызвать зависть лучшаго изъ восточныхъ поэтовъ. Вы настраиваете вашу лиру на самый высокій діапазонъ и поете гимнъ, который на 338 страницахъ (не считаю афоризмовъ) ни на одну минуту не отрезвляется отъ своего вдохновеннаго опьянѣнія!

О! безжалостный Орфей, Вы требуете, чтобы мы прямо смотрѣли на солнце? Пощадите, дайте хоть немножко тѣни въ картинѣ; Вы ослѣпите насъ столь сильнымъ свѣтомъ!

Какъ же Вы хотите, чтобы мы обратили глаза къ землѣ, если мы такъ долго погружали ихъ въ небесномъ сіяніи? Откуда взяли Вы столько свойствъ въ любви, которыхъ никто, никогда не находилъ?—Вы дѣйствовали, какъ великій артистъ, Вы поступили какъ скульпторъ, который, для того, чтобы создать статую красоты, беретъ за образецъ руку одной женщины, голову другой, бюстъ третьей и такимъ образомъ соединяетъ разсѣянные члены идеала.

Въ одно и то же время Вы были и великодушны и могущественны. Вы разомъ опрокинули волшебный фіаль съ любовнымъ напиткомъ; пусть каждый беретъ изъ него то, что ему нужно, что позволять ему вкусить обстоятельства его жизни.

Серьезно, Вы написали прекрасную и полезную книгу, и сверхъ того книгу здоровой и высшей нравственности. — Я не ожидала этого, въ виду свойствъ самаго предмета, о которомъ часто разсуждаютъ возмущающимъ меня образомъ. Надо согласиться, что если любовь есть наиболѣе универсальная страсть, то на ней также наиболѣе отражается печать индивидуальности; доказательствомъ чему служатъ массы романовъ, драмъ, эллегій, которые представляютъ ее въ безконечно разнообразныхъ и новыхъ формахъ; то-же самое представляютъ и существа, которыя ея чувствуютъ и испытываютъ. Меня лично болѣе всего задѣвали физіологическіе анализы и имъ нужно было быть написанными Вами, чтобъ я рѣшилась прочесть ихъ. Слава Богу, Ваша «*Физіологія Любви*» удаляетъ насъ далеко отъ вредныхъ и злоторныхъ, высиженныхъ патологическихъ сочиненій *Michélet*.

Если я до сихъ поръ не читала Вашей книги, то вините въ этомъ его; я опасалась найти въ ней нѣчто подобное его сочиненіямъ, къ которымъ я чувствую отвращеніе! Этотъ родъ томнаго жеманства, притворной изысканности, заключающій въ себѣ въ сущности самую грубую чувственность, какъ мнѣ

кажется, клонится только къ изображенію въ своихъ нравственныхъ эффекахъ одного изъ самыхъ гибельныхъ состояній.

Ваша книга, напротивъ того, носитъ характеръ прямого чистосердечія, которое, анализируя предметы безъ лицемѣрія и лукаваго умалчиванія, находитъ звено, соединяющее вещественное, нравственное и умственное, изъ соединенія которыхъ образуется любовь настоящая, полная, которая одна только и можетъ дать истинное и прочное счастье.

Ведя безпощадную войну противъ лжи и притворства, требуя возстановленія правъ природы и почетнаго мѣста въ общественной жизни для одной изъ ея наиболѣе активныхъ и могущественныхъ силъ, Вы подымаете занавѣсъ идеала, восклицаете «*Venere Uramia*» и кладете подъ ея щитъ все, что сердце и умъ могутъ дать любви благороднаго и возвышеннаго. Описываемая Вами любовь: прикрыта стыдливостью и цѣломудріемъ и въ ней чистые сердцемъ черпаютъ энергію къ великимъ добродѣтелямъ и благороднымъ помысламъ.

Кто знаетъ, можетъ быть, многократное чтеніе прекрасныхъ главъ, гдѣ Вы такъ блистательно рисуете нравственную и умственную красоту, воплощенную въ одной изъ самыхъ сильныхъ страстей человѣческаго сердца, возбудить жажду къ идеалу, омерзѣніе къ пошлости, стремленіе ко всему прекрасному, слишкомъ часто заглушаемое грубымъ матеріализмомъ? Такое дѣйствіе на нравствен-

ность прибавляетъ къ достоинству прекрасной книги еще и доброе дѣло.

Что касается краткихъ изреченій, которыя Вы привѣшиваете въ видѣ брелоковъ къ послѣдней главѣ, то мнѣ кажется, что Вы тутъ дѣйствовали, какъ иногда дѣйствуютъ хорошенькія женщины, которыя, будучи наряженными во всѣ красоты природы и изящнаго туалета, хотятъ еще увеличить эффектъ, навѣшивая бездѣлушки изъ поддѣльныхъ камней. Но эта критика не влечетъ за собою послѣдствій въ виду того, что она есть выраженіе личнаго вкуса. Я вообще не люблю афоризмовъ и правилъ, находя всѣхъ ихъ болѣе или менѣе ложными, натянутыми и педантичными. Въ нихъ хотятъ видѣть квинтэссенцію правды, каплю дистиллированной мудрости. Но мнѣ кажется, что большинство ихъ содержитъ въ себѣ лишь избитыя мнѣнія, которыя также хорошо можно представить съ обратной стороны, какъ двулицыя фигурки, поочередно представляющія Вамъ—Ваню плачущаго и Ваню смѣющагося. Ихъ можно брать, по желанію, въ смыслъ положительномъ и отрицательномъ.

Именно въ одномъ изъ этихъ изреченій Вы противорѣчите мысли, которую приводите во всей Вашей книгѣ; Вы называете тамъ любовь по требовательности и вымогательству «несправедливой». Нѣтъ, здѣсь Вы искажаете собственную мысль. Опредѣливъ такъ прекрасно суть и самыя правила любви (ея «обязанности»), которыя всѣ могутъ быть вы-

ражены однимъ словомъ, *чистосердечіе*; ея «права», состоящія въ свободномъ выборѣ (*il farse amore*), Вы не можете объявлять ее несправедливой по существу. Такъ бываетъ только тогда, когда не знаютъ ея правъ и хотятъ распространить эти права, эти обязанности дальше законныхъ границъ.

Въ этомъ сочиненіи находится лучшая часть Васъ самихъ: Ваше благородное и правдивое сердце, Ваше поэтическое воображеніе, выводы Вашихъ научныхъ изслѣдованій, Вашихъ философскихъ наблюденій, Ваша опытность свѣтскаго человѣка, Ваши честнѣйшія и смѣлыя убѣжденія, Ваша благородная вѣра въ возможные преобразованія въ будущемъ, при содѣйствіи всѣхъ силъ, направляемыхъ умомъ и... любовью къ добру.

Счастливы Вы, что могли доставить еще это удовольствіе Вашей дорогой матери.

Поздравляю Васъ отъ всего сердца и посылаю Вамъ тысячу добрыхъ пожеланій.

Ваша пріятельница.

Падуа, 5 апрѣля 1884 г.
